

ХАНС ХАЙНЦ ЭВЕРС

АЛЬРАУНЕ

*История
одного живого существа*

ПАЛЬМИРА
РУГРАМ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем=432.4)
Э15

HANNES HEINZ EWERS
Alraune
Die Geschichte eines lebenden Wesens
1911
Перевел с немецкого М. П. Кадиш

Эверс, Х. Х.

Э15 Альрауне : История одного живого существа / Ханс Хайнц Эверс ; [пер. с нем. М. П. Кадиша]. — М. ; СПб. : «Руграм» / «Пальмира», 2025. — 333 с. — (Серия «Пальмира — готика»).

ISBN 978-5-524-02199-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В центре романа «Альрауне» — дерзкий эксперимент, стирающий границы между наукой, мифом и человеческим подсознанием. Движимый холодным любопытством и жадной властью над жизнью, ученый Франк Браун оплодотворяет семенем казненного преступника корень мандрагоры — легендарного растения, чья причудливая форма с античности связывалась с демоническим началом. Плод этого противоестественного симбиоза — девушка Альрауне — становится воплощением роковой женственности: ее бездушная красота влечет всех столкнувшихся с ней к нравственной и физической гибели.

Написанный в 1911 году, роман сочетает традиции готической прозы и философию декаданса. Тема искусственного создания, восходящая к Гофману («Песочный человек») и Мэри Шелли («Франкенштейн»), обретает здесь новое звучание через фрейдистские мотивы и эстетику «конца века». Альрауне — одновременно жертва и виновница трагедии — символизирует двойственность самой жизни: лишенная души, она становится орудием мстительной природы, карающей за кощунственное вторжение в ее тайны.

Запрещенная в гитлеровской Германии и забытая на десятилетия, книга Эверса ныне признана памятником литературного модернизма и предтечей европейского магического реализма.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем=432.4)

© Кадиш М. П., наследники, перевод на русский язык, 2025

© Оформление.

ООО «Руграм»,

АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

ISBN 978-5-524-02199-1

ПРЕЛЮДИЯ

Не станешь ведь ты отрицать, дорогая подруга моя, что есть существа — не люди, не звери, а странные какие-то существа, которые родились из злосчастных, сладострастных, причудливых мыслей?

Добро существует — ты знаешь это, дорогая подруга моя. Добро законов, добро всяких правил и строгих норм, добро великого Господа, который создал все эти нормы, эти правила и законы. И добро человека, который чтит их, идет своим путем в смирении и терпении и верно следует велениям доброго Господа.

Другое же — князь, ненавидящий добро. Он разрушает законы и нормы. Он создает — заметь это — *вопреки природе*.

Он зол, он скверен. И зол человек, который поступает так же. Он дитя Сатаны.

Скверно, очень скверно нарушать вечные законы и дерзкими руками срывать их с железных рельсов бытия.

Злой может делать это — ему помогает Сатана, могущественный властелин. Он может творить по своим собственным, горделивым желаниям и воле. Может делать вещи, которые разрушают правила, переворачивают природу вверх ногами. Но пусть он остерегается: все только ложь и обман, что бы он ни творил. Он поднимается, взрастает, но в конце концов падает в своем падении высокомерного глупца, который его придумал.

* * *

Его превосходительство Якоб тен-Бринкен, доктор медицины, ординарный профессор и действительный тайный советник, создал эту странную девушку, создал ее вопреки природе. Создал один, хотя мысль о создании ее и принадлежала другому. Это существо, которое затем окрестили и назвали Альбауне, выросло и жило, как человек. До чего она ни касалась, все превращалось в золото; куда она ни смотрела, всюду возгорались дикие чувства. Но куда ни проникало ее ядовитое дыхание, всюду вспыхивал грех, и из земли, на которую ступали ее легкие ножки, вырастали бледные цветы смерти. Одного она убила. Это был тот, который придумал ее. Франк Браун, шедший всю жизнь возле жизни.

* * *

Не для тебя, белокурая сестрица моя, написал я эту книгу. Твои глаза голубые, они добрые, они не знают греха. Твои дни точно тяжелые гроздья синих глициний, они падают на мягкий ковер: легкими шагами скольжу я по мягкой скатерти, по залитым солнцем аллеям твоих безмятежных дней. Не для тебя написал я эту книгу, мое белокурое дитя, нежная сестрица моих тихих мечтательных дней... Я написал ее для тебя, для тебя, дикая греховная сестра моих пламенных ночей. Когда падают тени, когда жестокое море поглощает золотистое солнце, тогда по волнам пробегает быстрый ядовито-зеленый луч. Это первый быстрый хохот греха над смертельной боязнью трепетного дня. Грех простирается над тихой водой, вздымается вверх, кичится яркими желтыми, красными и темно-фиолетовыми красками. Он дышит тяжело всю глубокую ночь, извергает свое зачумленное дыхание далеко во все стороны света.

И ты чувствуешь, наверное, горячее дыхание его. Твои глаза расширяются, твоя юная грудь вздымается дерзко. Ноздри твои вздрагивают, горячечно-влажные руки простираются куда-то в пространство. Падают мещанские маски светлых, ясных дней, и из черной ночи зарождается злая змея. И тогда, сестра, твоя дикая душа выходит наружу, радостная всяким стыдом, полная всякого яда. И из мучений, крови, из поцелуев и сладострастия ликующе хохочет она — кричит, и крики прорезывают и небо и ад... Сестра греха моего, для тебя я написал эту книгу.

**ГЛАВА I,
В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ,
КАКОВ БЫЛ ДОМ, ГДЕ ЗАРОДИЛАСЬ МЫСЛЬ
ОБ АЛЬРАУНЕ**

Белый дом, в котором появилась Альрауне тен-Бринкен задолго до рождения и даже до зачатия своего, — дом этот был расположен на Рейне. Немного поодаль от города на большой улице с виллами, которая ведет от старинного епископского дворца, где находится сейчас университет. Там стоял этот дом, и жил в нем тогда советник юстиции Себастьян Гонтрам.

На улицу выходил большой запущенный сад, не выдававший никогда садовника. По нему проходили в дом, с которого осыпалась штукатурка, искали звонок, но не находили. Звали, кричали, но никто не выходил навстречу. Наконец, толкали дверь и попадали внутрь, шли по грязной, давно не мытой деревянной лестнице. А из темноты прыгали какие-то огромные кошки.

Или же — большой сад наполнялся маленькими существами. То были дети Гонтрама: Фрида, Филипп, Паульхен, Эмильхен, Иозефхен и Вёльфхен. Они были повсюду, сидели на сучьях деревьев, заползали в глубокие ямы. Кроме них собаки, два дерзких шпица и фокс. И еще крохотный пинчер — адвоката Манассе, маленький, похожий на квитовую колбасу, круглый как шарик, не больше руки. Звали его Циклопом.

Все шумели, кричали. Вёльфхен, едва год от роду, лежал в детской коляске и ревел, громко, упрямо, целыми часами. И только Циклоп мог взять верх над ним — он выл хрипло, не переставая, не двигаясь с места.

Дети Гонтрама бежали по саду до позднего вечера. Фрида, старшая, должна была наблюдать за другими, смотреть, чтобы братья не шалили. Но она думала: они очень послушны. И сидела поодаль в развалившейся беседке со своей подругой, маленькой княжной Волконской. Обе болтали, спорили, говорили о том, что им скоро исполнится четырнадцать лет и они могут уже выйти замуж. Или, по крайней мере, найти себе любовников. Но обе были очень благочестивы и решали немного еще подождать — хоть две недели — до конфирмации.

Им дадут тогда длинные платья. Они будут взрослые. Тогда уже можно найти и любовников.

Решение казалось им очень добродетельным. И они думали, что можно пойти сейчас в церковь. Нужно быть серьезными и разумными в эти последние дни.

— Там, наверное, сейчас Шмиц! — сказала Фрида Гонтрам.

Но маленькая княжна сморщила носик:

— Ах, этот Шмиц!

Фрида взяла ее под руку:

— И баварцы в синих шапочках!

Ольга Волконская рассмеялась:

— Баварцы? Знаешь, Фрида, настоящие студенты вообще не ходят в церковь.

И правда: настоящие студенты не делают этого.

Фрида вздохнула. Она быстро двинулась в сторону коляски с кричащим Вёльфхеном, на ходу оттолкнув Циклопа, который хотел укунить ее за ногу.

Нет-нет, княжна права: в церковь идти не стоит!

— Останемся здесь, — решила она.

И девушки вернулись в беседку.

У всех детей Гонтрама была бесконечная жажда жизни. Они не знали — но чувствовали, чувствовали в крови своей, что должны умереть молодыми, свежими, в самом расцвете сил, что им дана только ни-

чтожная часть того времени, которое отмерено другим людям. И они старались воспользоваться этим временем, шумели, кричали, ели и упивались досыта жизнью. Вёльфхен кричал в своей коляске, кричал за троих. А братья его бегали по саду, делая вид, точно их четыре десятка, а не четверо. Грязные, оборванные, всегда поцарапанные, с порезанными пальцами, с разбитыми коленями. Когда солнце заходило, дети Гонтрама замолкали. Возвращались в дом, шли в кухню. Проглатывали кучу бутербродов с ветчиною и колбасой и пили воду, которую высокая служанка слегка подкрашивала красным вином. Потом она их мыла. Раздевала, сажала в корыто, брала черное мыло и жесткие щетки. Чистила их, точно пару сапог. Но дочиста они никогда не отмывались. Они только кричали и возились в деревянных корытах.

Потом, смертельно усталые, ложились в постель, падали, будто мешки с картофелем, и лежали неподвижно. Вечно забывали они прикрыться. Это приходилось делать служанке.

* * *

Почти всегда в это время приходил адвокат Манассе. Подымался по лестнице, стучал палкой в дверь; не получая никакого ответа, он наконец переступал порог.

Навстречу ему выходила фрау Гонтрам. Она была высокого роста, почти вдвое выше Манассе. Тот был почти карлик, круглый как шар, и походил на свою безобразную собаку Циклопа. Повсюду — на щеках, подбородке и губах — росли какие-то жесткие волосы, а посреди нос, маленький, круглый, словно редиска. Когда он говорил, то таял, как будто хотел поймать что-то ртом.

— Добрый вечер, фрау Гонтрам, — говорил он. — Что, коллеги нет еще дома?